

Дети Сталинграда

Шаповалова Полина,
4 а класс МАОУ «Лицей №62»
города Саратова

О Сталинграде в нашей семье вспоминают часто, несмотря на то что города с таким названием на карте современной России нет. На карте нет, а в памяти людей есть. И эта память живёт в моей семье.

Мне 10 лет, но я не только видела людей, своих прапрабабушек, прадедушек и прабабушек, переживших войну, но и общалась с ними, запомнила, что мне рассказали, а теперь хочу рассказать и вам.

Мои прабабушки и прадедушки – дети Сталинграда. Кто знает историю Великой Отечественной войны, тот понимает, как трагично это словосочетание – «дети Сталинграда». И никто лучше них, «детей Сталинграда», не сможет передать историю их военного детства. Я записала, всё, что запомнила из их рассказов, поэтому слово им, детям Сталинграда.

Сергиенко Борис Николаевич, брат моего прадеда. Когда фашисты подошли к Сталинграду, ему было 4 года 8 месяцев.

«Когда начали бомбить, было страшно, а потом мы с мальчишками радовались, что по улицам текли сладости из разгромленных цехов кондитерской. Но бомбёжки практически не прекращались, так что полакомиться не удалось. Началась эвакуация, мы эвакуировались одними из последних. Поезд только отошёл от города, как попал под бомбёжку. Мы остались живы, но попали в плен к немцам. Нас пешком гнали на запад. Голодные, раздетые. Очень хотелось есть, мне иногда совали кусочки местные жители. Мама делила его с Юркой, которому не было ещё и двух лет. Мне было так жалко отдавать эти крохи. Теперь стыдно, а тогда очень хотелось кушать. Иногда немцы подходили и осматривали нас. Мать говорит, что нас спасли болячки, которые покрывали наши с Юрой тела сплошной коркой, поэтому нас не трогали, боялись. А потом началось неожиданное наступление, помню наших танкистов, радость, что нас есть кому защитить и главное, как мне тогда казалось, накормить. Нас посадили в поезд и через несколько месяцев мы были в Саратовской области. Сейчас этот путь на поезде составляет 8 часов. А ещё помню рухнувший мост через Дон. Только наш поезд (это уже после немцев!) проехал и его взорвали. В поезде все начали молиться...»

Сергиенко Юрий Николаевич, мой прадед. В 1942 году ему было 1 год 8 месяцев.

«Ничего не помню из происходящего в самом Сталинграде, но мама и бабушка, которая с нами была в плену, всё время вспоминали какие-то эпизоды и теперь мне кажется, что и я помню эти события. Самое

страшное – берег Волги после бомбёжки нашего поезда. Волга горит, а песок на берегу шевелится. И рука из песка тоже шевелится. А ещё под Калачом девушка, повешенная на столбе. Живой крючки в глаза, а на грудь табличку «Я комсомолка». У столба сошедшая с ума мать...»

Воловатов Валентин Петрович, брат моей прабабушки. Когда фашисты подошли к Сталинграду, ему было 7 лет 9 месяцев.

«Отца на фронт взяли, когда немцы были уже у Сталинграда. И отступал он со своей частью через наш хутор. Тогда же я его видел последний раз, он отдал мне свою шапку, будёновку, в которой я проходил до 17 лет. Это единственная память об отце. А потом пришли немцы. Из дома выгнали, жили в сараюшке. Там свиньи, объявили какую-то болезнь и их не трогали, и нас от них не убирали. Около скотины было теплее. Взрослых женщин и нашу маму тоже немцы гоняли на окопы. Сестре год, совсем кроха, однажды заползла к свинье поближе, чуть она её и не съела. Скотина тоже голодная была. Как я вовремя заметил! Больше её из рук не выпускал. Да она и тихая была. Как выжила не знаю, но пережитое сделало нас ещё более близкими.

Сад у нас был огромный, яблони отборные, немцы всё вырубил, только пеньки остались. Они, пеньки, долгое время напоминали нам о тех страшных событиях, ничего там не росло, а сажать на том месте ни у кого рука не поднималась»

Сергиенко (Воловатова) Лилия Петровна, моя прабабушка. Немцев «встретила» в годовалом возрасте.

«Я ничего не помню, маленькая была. Но послевоенные годы тоже были тяжёлыми. Мама всё время на работе, я с Валентином. Он в школу, а я в няньки к соседям. У них хорошо, отец покалеченный с войны пришёл. И за хозяйством было кому смотреть – бабушки у них были. Они мне иногда давали прозрачный тонюсенький кусочек солёного сала. Я его долго во рту держала, растягивала удовольствие. Ничего вкуснее я в своей жизни не ела...»

Сергиенко Лилия Петровна с братом 1949 год

Вот из таких историй складывается наше прошлое, которое нельзя забывать, чтобы этот ужас никогда не повторился!